

Сравнительный анализ стратегий формирования гражданской идентичности в России и Китае

Н.Б. Помозова

В статье рассматриваются методы управления формированием идентичности в России и Китае в период трансформационных процессов, коснувшихся обеих стран в XX–XXI вв. Автор выделяет три различных периода формирования гражданской идентичности современных россиян и делает вывод о том, что формирование гражданской идентичности носило достаточно сумбурный и спонтанный характер. В то же время Китай, также столкнувшийся с необходимостью реформирования экономической и социальной систем, избрал эволюционный путь, разработав и претворив в жизнь четко спланированную стратегию управления формированием гражданской идентичности.

Трансформационные процессы, с которыми столкнулись Россия и Китай в конце XX – начале XXI в., приведшие к существенным изменениям в национальном самосознании населения двух стран, обусловили необходимость глубокого анализа управленческих механизмов, обеспечивающих формирование и воспроизводство гражданской идентичности. Как сохраняющиеся, так и изменяющиеся символы, их смыслы служат важнейшим инструментом управления формированием гражданской идентичности. Чтобы осуществлять эффективное управление формированием гражданской идентичности, правящей элите любой страны необходима четко спланированная стратегия, в процессе разработки которой непременно нужно учитывать влияние различных факторов на сознание людей и их восприятие политических символов. При несовпадении ценностей ориентиров народа с происходящими в стране изменениями у людей появляется негативное восприятие и самих реформ, и образа тех, кто их проводил, а также деформируется имидж политических символов и гражданское самосознание на-

селения. Академик РАН В.А. Тишков справедливо отметил: «Только широко разделяемые ценности, символы и принимаемый общественный порядок могут обеспечить низовую (базовую) легитимацию и делают государство жизнеспособным»¹.

Управление формированием гражданской идентичности в России в период трансформаций конца XX – начала XXI в.

Россия и Китай — страны с социалистическим прошлым, что обуславливает во многом похожие ценностные и идеологические установки в этих двух государствах в определенный исторический период (имеется в виду «коммунистическое» прошлое обеих стран). Однако, когда стало очевидно, что коммунистические методы, использовавшиеся в обеих странах, исчерпали себя как в экономической, так в политической и социальной областях, Россия и Китай, став на путь реформ, пошли совершенно разными дорогами.

В России в качестве метода экономической трансформации была выбрана прямая приватизация государственной собственности. В Китае

Помозова Наталья Борисовна – к.соц н. E-mail: npomozova@mail.ru

прежде всего развивалось не государственное, а частное производство, которому были созданы благоприятные условия для успешной конкуренции на рынке. Изменения в экономической системе, подготовка к переходу от плановой экономики к рыночной требовали определенных политических преобразований, отказа от прежней идеологии строительства коммунизма и соответствующей символики.

Россия встала на путь резкого перехода от одного строя к другому, от тоталитарного режима к демократическому управлению, рыночной экономике. Китай старался сохранить структурные организации на существующей основе, изменив при этом функции правительства и характер государственного регулирования, обозначив главную внутривластную цель как «поддержание политической стабильности и предотвращение сепаратистских устремлений»².

В России произошла системная революция, что подтверждается последующими историческими событиями. Ведь кардинальный разрыв с прошлым, его тотальное отрицание, включая символику, характерно именно для революционных эпох. Что же касается Китая, то, оказавшись перед необходимостью трансформаций, страна встала на путь эволюционного развития, характеризующегося более плавным переходом от одних экономических, социальных и символических реалий к другим.

С точки зрения используемых управленческих стратегий, выделим три различных периода формирования гражданской идентичности современных в постсоветской России.

Первый этап: начало – середина 1990-х гг. В начале 1990-х гг. идеология нового государства была направлена на абсолютное отрицание советского прошлого. Воспользовавшись ситуацией всеобщего хаоса, со стороны новой политической элиты происходила переинтерпретация истории. Важное место в данной связи занимает попытка пересмотра образа Сталина, находившегося у власти весьма значительный период в истории страны, когда СССР удалось занять достойное место на мировой арене. «Попытка перекодирования образа Сталина уже предпринималась в период «хрущевской оттепели». В рамках спонтанной государственной стратегии начала 1990-х гг. «демонизация» советского прошлого, идеология, режим и представители которого рассматриваются как оппозиция российским людям, позиционирование советских граждан как жертв тоталитарного режима и идеализация царской России не только играли роль инструмента легитимации действий российской политики этого периода, но и послужили попыткой закладывания новой российской идентичности»³.

Как считает известный американский социолог Дж. С. Александер, события сами по себе не создают травму, ибо они не являются от природы «хорошими» или «плохими». Реальные или воображаемые явления означиваются как травматические не потому, что они действительно вредные, а потому, что эти явления обретают смысл зла,

который нарушает коллективную идентичность⁴. В результате, в частности, события Великой Отечественной войны, роль Сталина в ней подверглись перекодированию социального смысла, что расчленило путь и к изменению смыслов символов.

С начала 1990-х гг. в России был запущен процесс переименований, который затронул в основном областные центры: Ленинград переименован в Санкт-Петербург, Свердловск в Екатеринбург и т.д. Однако уличная топонимика практически не была затронута (в большей степени этот процесс коснулся Москвы), что может быть с экономической точки зрения объяснено достаточно высокой степенью независимости зародившегося местного самоуправления и дефицитом местных финансов (переименование улиц является дорогостоящей процедурой).

Смена названий городов в рамках сумбурной государственной стратегии тоже носит хаотичный и незавершенный характер (можно привести примеры Екатеринбурга и Свердловской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области и т.п.). Попытки начать смену названий все время встречали яростное сопротивление не просто противников режима Б.Н. Ельцина, но и не готовых принять новые реалии рядовых граждан. Возврат к триколору, известному еще с XVII в., вместо красного коммунистического флага, к двуглавному орлу как символу державы вместо социалистического герба, подчеркивали, наряду с отказом от советского прошлого, стремление к преемственности между царской Россией и постсоветской.

Однако в то же время все это свидетельствовало о кризисном состоянии идеологии, отсутствии четко спланированной программы управления государственной стратегией, способной предложить новые перспективы и произвести органичную замену цельной по существу советской символики.

Второй этап – середина 1990–начало 2000 гг. – характеризуется отказом от абсолютного отрицания советского прошлого. Если в начале трансформаций миф о наследии советского прошлого носил преимущественно негативный характер, то в середине 1990-х гг. этот вектор существенно изменяет свое направление, встраиваясь в логику возрождения «патриотической» компоненты. В это время руководством страны была предпринята попытка выстроить стратегию гражданской идентичности, основанную на формировании российской нации – согражданства.

Заявления президента Б.Н. Ельцина о «необходимости поиска национальной идеи» нашли свое воплощение в пересмотре отношения к наследию СССР и смещению акцентов в сторону возвания к патриотическим чувствам людей. Достижения советского периода в военной сфере, в области космических технологий, экономического освоения Сибири и т.п. репрезентируются как заслуги российской нации. В многочисленных документальных фильмах, посвященных достижениям советской эпохи, делается акцент на важность и актуальность этих событий⁵.

Третий этап начинается в 2000 г. и связан с приходом к власти В.В. Путина. Новой политической элитой страны была осознана необходимость создания более четкой стратегии и эффективного управления ею. Предполагаемая стратегия была направлена на формирование нового российского самоопределения, что, по сути, является продолжением стратегии середины 1990-х гг.

Во-первых, отношение к СССР и заслугам советских людей стало более объективным, довольно часто подчеркивается богатое наследие, оставленное Советским Союзом, плодами которого до сих пор пользуется Россия. Об успешности управления процессами формирования гражданской идентичности можно судить по динамике восприятия индивидами окружающей действительности, предметов гордости и идентификаций со своей страной в целом.

Академик РАН М. К. Горшков, опираясь на эмпирические данные социологических исследований, отмечает: «Подавляющее большинство наших сограждан, независимо от пола, образовательно-профессиональной принадлежности и типа поселения, продолжает, в первую очередь, гордиться победой в Великой Отечественной войне, послевоенным восстановлением страны, великой российской культурой, достижениями отечественной космонавтики и космической техники»⁶.

Это свидетельствовало о том, что предметы гордости россиян связаны в основном с эпохой Советского Союза, а не с новой российской действительностью, что оправдывает синкретизм политической символики как основного инструмента управления стратегией формирования идентичности.

Во-вторых, касательно политических символов как инструмента управления стратегией с целью заполнения идеологического вакуума и управления процессами формирования новой идентичности, курс был взят на своеобразный синкретизм — сочетание советской и российской: сохранена хорошо известная русскому народу музыка советского гимна, но слова изменены. Возвращение Вооруженным силам России Красного знамени — еще один показатель симбиоза, благодаря которому подчеркивается преемственность со всеми историческими этапами страны⁷.

Опыт Китая в области управления процессами формирования и поддержания гражданской идентичности

Некогда близкий Советской России по социалистическому духу Китай тоже не миновали значительные преобразования в экономической и социальной сферах. КНР — самое многонаселенное государство в мире, руководство которого уделяет большое внимание формированию стабильного общественного сознания. Идеологический вакуум, образовавшийся после распада СССР, спонтанная государственная стратегия, состояние неразберихи и общественных волнений — все это могло бы коснуться и Китая, если бы властями вовремя не была осознана необходимость управления процес-

сами формирования гражданской идентичности посредством четко спланированной стратегии, учитывающей культурные и ментальные особенности народа и не «ломающей» сознание китайцев.

После смерти Мао Цзэдуна, краха социализма в СССР и Восточной Европе в Китае стала очевидной необходимость коренных преобразований внутри страны, смены политических ориентиров и определения критерия успеха. В связи с этим начался «интенсивный поиск форм сочетания и пропорций теории и практики, политики и экономики, идеологии и науки, мировых реалий и китайской специфики, постепенно занимавший ведущее место в формулировании новой концепции развития»⁸.

В результате перед руководством правящей партии возникла дилемма: идти ли по пути других социалистических стран и утратить автономность или же пойти по собственному, никем не опробованному пути. Настроения, царившие в последние годы существования СССР, а также в странах Восточной Европы имели место и в весьма закрытом в то время Китае. Об этом свидетельствует студенческое восстание, вспыхнувшее в мае 1989 г. на главной площади Пекина Тяньаньмэнь. Толпа, состоявшая в основном из молодежи, выступала с транспарантами в поддержку демократических реформ, противоречащих стратегии КПК.

Кульминация событий 1989 г. пришлась на 4 июня, когда Народно-освободительная армия Китая подавила восстание студентов. Отнюдь не демократическим образом были пресечены любые попытки вольнодумия, и было ясно дано понять, что Китай не пойдет по пути СССР и стран Восточной Европы, а будет четко следовать своему плану строительства «социализма с китайской спецификой», немаловажной частью которого являлась стратегия формирования идентичности, позволявшая управлять процессами формирования гражданской идентификации.

Не отказываясь от открытости западному миру, КПК осознанно не стала перенимать западный опыт трансформаций. Кризис внешних моделей и экономические успехи внутри страны, а также осознание коренного отличия восточного менталитета от западного подтолкнули руководство компартии к выбору собственного пути. В процессе решения глобальных проблем, оставшихся от предыдущих поколений, Дэн Сяопин, оказавшийся у власти, решил не отступать от марксистского лозунга «практика — единственный критерий истинности». Именно этот лозунг и лег в основу преобразования идеологии и социальной системы КПК.

В сложившейся ситуации в Китае было решено пойти по пути сохранения политического курса, ориентированного на марксистско-маоистскую идеологию, осуществляя при этом объективно необходимое реформирование экономической системы с целью плавного перехода к рыночной экономике. На данный момент во многих областях экономики КНР сохранилась плановая модель, однако в задачи правительства Китая входит полная

трансформация государственной экономической системы⁹.

Таким образом, управление процессами формирования идентичности в Китае базировалось на том, чтобы сохранить лидирующие позиции Коммунистической партии, официально следовать прежней социалистической идеологии, воздержаться от изменений политической символики. В результате таких действий сегодня можно наблюдать феномен сочетания социалистического и капиталистического начал в общественном сознании современного Китая. Если в России было решено, что эти два понятия являются взаимоисключающими и невозможно построить рыночную экономику, придерживаясь прежней идеологии, то КНР доказала обратное, назвав свой строй «социализмом с китайской спецификой».

Китайский социолог Ли Лин отмечает, что государственная стратегия в 1980-х гг. характеризовалась критическим восприятием западной культуры, попыткой применения западных моделей к китайской действительности. В общественных настроениях имелась тенденция к «вестернизации», то есть заимствованию западного образа жизни¹⁰. Позже данная концепция была пересмотрена в связи с осознанием невозможности применения западных моделей в китайской действительности без адаптации их к восточным условиям, особенно к менталитету. Однако тенденция «вестернизации» наложила отпечаток на динамику политической символики (политическая мода и стиль, музыка и проч.) и общественных настроений в целом.

Несмотря на многие внешние перемены, восприятие своей истории и ее негативных моментов как необходимости на пути к строительству социализма с китайской спецификой остается положительным. У молодых китайцев, как и у пожилого поколения, не принято критиковать ни предыдущих, ни действующих правителей, что способствует сохранению цельности общественного сознания. Отношение к своей стране, чувство патриотизма свойственны практически всем социальным группам Китая. В этой связи весьма показательными являются опросы, проведенные изданием «Народный форум» в мае 2009 г., среди студентов различных вузов, а также их родителей, преподавателей и служащих учебных заведений. 75,4% респондентов отмечали, что гордятся китайским гражданством. Давая оценку достижениям реформ и открытости КНР, 89,3% студентов заявили, что они одобряют эти реформы. На вопрос: «Что вы считаете самым главным достижением «китайской модели» за прошедшие 30 лет?» – самыми популярными были ответы: «Китай стал страной с самыми быстрыми темпами экономического развития» (66,8% опрошенных) и «В стране сформулирована теория социализма с китайской спецификой» (56,22%). 87,9% опрошенных студентов выразили уверенность в успешности строительства социализма с китайской спецификой, при этом 42,8% – «абсолютно уверены», а 45,1% – «относительно уверены»¹¹.

Данные социальных опросов свидетельствуют о том, что китайская идентичность относительно стабильна, а идентификация себя со своим государством, чувство лояльности к нему весьма распространены среди китайцев. Такая статистика является следствием достаточно эффективного управления процессами формирования гражданской идентичности, что позволило населению адаптировать свое сознание к текущим изменениям и сформировало положительный образ трансформационных процессов в стране.

Однако из опросов жителей Шанхая и Петербурга¹² стало понятно, что восприятие последствий реформ неоднозначно и там, и здесь. В целом на сегодняшний день доля выигравших от реформ в Шанхае больше, чем в Петербурге, – 33,5% против – 27,4%. Проигравших соответственно в Петербурге – 25%, в Шанхае – 22%; тех, кто оценивает свое положение без изменений, в Петербурге – 35%, в Шанхае – 37%. Перевес, однако, не так велик, чтобы говорить о серьезных различиях. В исследовании есть индикатор того, как люди относятся к будущему реформ, что нужно делать: нужно их ускорить, продолжить, изменив направление или прекратить.

В целом есть определенное сходство между двумя городами. Большинство населения реформы поддерживают – более 70% в Петербурге и более 80% в Шанхае ответили, что реформы нужно продолжить. Но в Петербурге есть 10% тех, которые желают прекратить реформы, в Шанхае таких – 2%.

Заключение

Таким образом, пример России «смутного времени» продемонстрировал, что в начале трансформационных процессов стратегия формирования и поддержания идентичности складывалась весьма спонтанно. Скачок к символике царской России не только пагубно сказался на идентификационных процессах старшего поколения, но и не способствовал формированию новой идентичности у младших возрастных групп, которая долгое время носила диффузный характер. В то же время наличие четко спланированной государственной стратегии в Китае позволило обеспечить достаточно устойчивую идентичность, с которой граждане КНР вступали на этап реформирования экономической и социальной системы.

Подчеркнем, что динамика смыслов политических символов в России трансформационного периода имела весьма интенсивный, зачастую спонтанный характер. Многие знаки и символы в рамках изменяющейся государственной стратегии не были подкреплены реальными действиями правящей элиты и представляли собой парадоксальное сочетание, кентавр-проблему (Ж.-Т. Тоценко). Поэтому утверждение о том, что российская идентичность обладает весьма слабым мобилизационным потенциалом, представляется вполне логичным. Новая российская идентичность окончательно не сформирована и в настоящее время не является устойчивой. В каком направлении она будет дальше развиваться, зависит в первую очередь от эффективности управления формированием гражданской идентичности.

■ Социология

Политические символы Китая в переходный период не претерпевали столь значительных изменений, как в России, однако, естественно, с течением времени их смыслы тоже трансформировались. Появлялись новые символы, значение старых неизбежно ослабевало, глобальные международные процессы накладывали свои отпечатки на структуру политической символики и протекание идентификационных процессов. Однако целостность идеологии и силовые методы общественного контроля способствовали эволюционной трансформации китайской идентичности, которая на современном этапе, как и российская, до конца не сформировалась.

Pomozova N. B. A Comparative Analysis of Strategies for the Formation of Civic Identity in Russia and China.

Summary: *The article describes the methods of management of civic identity formation in Russia and China during the period of transformation processes, which have affected both countries in the end of XX – beginning of XXI centuries. The author identifies three distinct periods of civic identity formation of modern Russians and concludes, that the nature of civic identity strategy had rather chaotic and spontaneous nature. At the same time, China has also faced the need to reform economic and social systems, but has chosen the evolutionary path with a well-planned strategy of civic identity formation management.*

Ключевые слова

Гражданская идентичность, Россия, Китай, политические символы, стратегия гражданской идентичности, управление гражданской идентичностью.

Keywords

Civic identity, Russia, China, political symbols, civic identity strategy, civic identity management.

Примечания

1. Тишков В.А. Что есть Россия (Перспективы нациестроительства) // Вопросы философии, 1995. №2. С. 15.
 2. Кондрашова Л.И. Китай ищет свой путь. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2006. С. 171.
 3. Тимофеев И.Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции. М.: МГИМО-Университет, 2008. С.138.
 4. См.: Alexander, Jeffrey C. The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology. Oxford University Press, 2003. P. 32.
 5. Тимофеев И.Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции // Монография. М.: МГИМО-Университет, 2008. С. 146.
 6. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа. М.: Наука, 2005. С. 17.
 7. См.: Шевченко В.Н. Повседневная жизнь Кремля при президентах. М.: Молодая Гвардия, 2004. С. 57-77.
 8. Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М.: НОФМО, 2008. С. 205.
 9. Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М.: НОФМО, 2008. С. 208.
 10. Ли Лин. Чжунгоцинньен дэ дзяджиюйшичанцинци. (Ценностные ориентации молодежи КНР в условиях построения социалистической рыночной экономики). Пекин: Пекинский государственный университет, 2003. С. 5.
 11. Социальный опрос журнала «Народный форум» совместно с соответствующими организациями и профильными экспертами. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/6650441.html>
 12. См.: Данилова Е.Н., Черныш М.Ф. Опыт российских и китайских реформ: результаты сравнительного исследования в Санкт-Петербурге и Шанхае // Мир России. 2010. №4.
-